
ДИХОТОМИЯ РЫНКА И ИЕРАРХИЧЕСКИХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К АНАЛИЗУ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

© 2011 В.А. Щеголевский

кандидат экономических наук, доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

E-mail: OET2004@yandex.ru

Рассматриваются теоретические взгляды различных научных школ и направлений на проблему деформации национальных экономик под воздействием экономической глобализации. Автор отдает предпочтение теории Джозефа Стиглица в аспекте объяснения причин кризиса российской экономики.

Ключевые слова: экономическая теория, экономика развития, экономика переходного периода, институциональная экономика.

Во второй половине XX в. ученые стали глубоко исследовать проблему диспропорций в развитии между странами Запада и остальными регионами мира. В теоретических схемах ученых нас интересует проблема противоречий между глобальными и национальными рынками, а также глобальными иерархиями и национальными рынками.

До Второй мировой войны в рамках неоклассического анализа сложилась упрощенная классификация экономик, это - командная и рыночная экономика, после 1945 г. к ним постепенно прибавились модели капиталистической плановой экономики (хотя она существовала всегда) и социалистической рыночной экономики. Это разделение экономик опиралось на два главных критерия - механизм регулирования и форма собственности. Соответственно капиталистическая плановая экономика совмещала в себе механизм директивного регулирования и частную собственность, социалистическая рыночная экономика - общественную собственность и свободу рыночного обмена. Вместе с тем приведенная неоклассическая классификация экономик калькировала в целом реальность 1920 - 1960-х гг. на Западе и в Восточной Европе, а также в коммунистическом Китае. Как и все в неоклассике, определение характера той или иной экономики опиралось на эндогенные детерминанты - методы регулирования процессов распределения и форма собственности. После войны, в рамках уже изучения проблем постколониальных обществ Африки и Азии, добавился третий эндогенный фактор - труд¹; соб-

ственно, неоклассики всегда рассматривали труд как основополагающий фактор производства, но фактор, не задающий характера экономической системы.

Дж. Гэлбрейт, Ф. Фукуяма, Тоффлер и другие в 1960 - 1990 гг. попытались разбить или разбавить стройную классификацию экономических систем неоклассического направления, однако под пером Гэлбрейта это превратилось в концепцию конвергенции систем, которая, в принципе, не отрицает наличия рыночной и плановой экономик, только, по мнению автора, они должны были отмереть, что, однако, есть всего лишь футурологическая гипотеза.

Основной детерминантой альтернативных неоклассическому анализу становления и развития капитализма в мире является технология. На технологическом детерменизме построены концепции Д. Белла, Э. Тоффлера и др. По Э. Тоффлеру, на рубеже XVII - XVIII вв. аграрные технологии достигли такого уровня развития, что стало возможным прокормить достаточно большое количество городского населения, последнее образовало промышленные пролетариат и буржуазию, которые осуществили технологический прорыв уже индустриального общества ("вторая волна", по Тоффлеру). В условиях индустриального общества произошла стандартизация и концентрация производства, возросла роль государства в экономике, например, образование Центрального банка².

В середине XX в., по мнению Тоффлера, начинается формирование постиндустриального

общества (здесь он во многом повторяет идеи Д. Белла), рост роли знаний привел к информационной революции в обществе, когда главным фактором производства стала информация. Основой постиндустриального общества является средний класс, который обеспечивает экономику знаниями и новыми технологиями, производя в основном услуги.

Несмотря на свою привлекательность, концепция Э. Тоффлера имеет ряд “тонких” мест. Во-первых, роль рынков и товарообмена отходит на второй план, главное - технологии, но тогда, спрашивается, почему постсоциалистические страны идут не вперед, имея богатый запас знаний и технологий, а назад, к модели общества, трудно поддающейся какой-либо определенной идентификации? Во-вторых, выводимая Тоффлером связь роста индустриализации и развития индустриальных технологий с урбанизацией не очевидна. Венецианская республика на протяжении веков обладала очень высокой степенью концентрации населения в городских центрах, особенно, конечно, в Венеции, однако это не привело к промышленной революции, к XIX в. вся Италия была одной из самых отсталых стран Европы. Значительный масштаб урбанизации имел место в Голландии в XVI - XVIII вв., однако голландское общество того периода оставило след скорее в живописи, нежели в технологиях, чего нельзя сказать об аграрной на то время Германии, в которой было построено больше всего в Европе университетов.

То, что, как пишет Тоффлер, для индустриальной цивилизации была характерна концентрация промышленных городов в районах источников сырья, абсолютно не соответствует действительности, если хотя бы взглянуть на локацию Лондона, Москвы, Берлина, Парижа и других крупных городов Европы.

По Тоффлеру, гражданская война в США и революция 1917 г. в России суть результаты столкновения первой и второй волн, туда же он относит и реформы Мэйдзи в Японии³. В случае с российской революцией имело место, на наш взгляд, столкновение чисто политических и социальных интересов, но не аграрного и индустриального секторов экономики, в противном случае все ограничилось бы созданием буржуазной республики и модернизацией в духе межвоенных Чехословакии и Польши. Столкновение волн Тоффлера больше подходит для определения эконо-

номических причин гражданской войны в США, однако эти причины были те же, что и у революции конца XVIII в. в Северной Америке, - спор о протекционистских мерах. Насчет событий, связанных с реформой Мэйдзи в Японии, можно сказать, что это было столкновение не сторонников патриархального строя и индустриального общества, а двух группировок властных элит, одна из которых действительно выступала под традиционалистскими лозунгами, но сторонников “японской старины” мало интересовали хозяйственные вопросы, они боролись скорее за свои культурные ценности.

В понимании Э. Тоффлера и Д. Белла, новая экономика постиндустриального общества образуется уже вне пределов материального производства, в сфере знания. Но экономика знания подчинена в большей степени нерыночным законам. Таким образом, современная цивилизация переходит от рыночной экономики к некоей смешанной модели, в которой рынок, скорее всего, не будет играть заметной роли. Отставание же ряда стран от лидеров мирового прогресса заключается в отставании в переходе от индустриального к постиндустриальному обществу. Но здесь опять-таки возникает вопрос по поводу постсоциалистических стран, деиндустриализация в них указывает нам на иные тенденции.

Совсем по-другому подходит к проблеме эволюции капитализма А. Гершенкрон в своей концепции трех эшелонов развития капитализма⁴. Как и Карл Поланьи и Фридрих Лист, он видит причину триумфа Запада и созданного в рамках его общества капитализма в политике меркантилистского государства, которое на протяжении четырех столетий взращивало частный сектор путем правовых поощрений и протекционистских мер. Для второго эшелона стран (Восточная Европа, Россия, Турция и Япония) характерно отсутствие меркантилистского государства на протяжении всего позднего Средневековья и раннего Нового времени. Данные страны поэтому и столкнулись с проблемой отставания, решить которую можно было только посредством форсированной модернизации. И наконец, третий эшелон - страны Африки и Азии, образующие зависимую периферию капиталистического мира, капитализм в них носит насаждаемый, искусственный характер.

В концепции Гершенкрона есть один спорный аспект, наводящий на размышления. Север-

ная Америка, отнесенная им к первому эшелону, вышла на рельсы индустриального развития не ранее 1840 г., всерьез об индустриализации США можно говорить только относительно 1860-1870 гг. Соответственно, по Гершенкрону, США и Канада попадают в разряд стран второго эшелона. Развитие рыночных институтов в Северной Америке шло более динамично, нежели в Восточной Европе, однако основой экономики США в первой половине XIX в. оставались аграрные общины протестантских поселенцев и рабовладельческие хозяйства Юга.

Гершенкрон выделил частный сектор как фактор социально-экономического развития индустриальной цивилизации, надо сказать, что одновременно с ним с такой же примерно концептуальной идеей выступил Д. Норт, но последний рассматривал частную собственность, защищенную от посягательств государства, как главное условие экономического рывка Запада. Из концепции Д. Норты выросла концепция власти-собственности, одним из главных апологетов которой в России выступает Р.М. Нуреев.

Под властью-собственностью выступает система отношений в экономике, когда хозяйствующий субъект объединяет в своих руках права и на собственность, и на власть. Данная модель организации общества сложилась в древности, чему посвящена теория азиатского способа производства в современных социологии и истории экономики. Для России, по мнению Нуреева, и был характерен в докапиталистическую эпоху тип общества, в рамках которого собственность не была отделена от власти и была сконцентрирована в основном в руках монарха и его ближайшего окружения (модель восточной деспотии). Это наложило свой отпечаток на характер капиталистического развития России до 1917 г., когда капиталистом, как правило, становился тот, кто имел отношение к власти либо непосредственно сам, либо через родственников, примером чему может служить род Демидовых. По мнению Нуреева, модель экономики, построенная на основе институтов власти-собственности, наложила свой неизгладимый отпечаток на экономическую ментальность россиян и в особенности русских. Постсоветская Россия воспроизвела, как считает Р.М. Нуреев, систему ценностей дореволюционной России, что и предопределило ее отставание в начале XXI в.

Однако природа происхождения власти-собственности в России и в Азии, по Нурееву, различна. Для России, как он считает, всегда была характерна напряженная борьба с внешними врагами, требовавшая мобилизации ресурсов всего народа, тогда как императорский Китай и другие восточные государства сформировались под воздействием давления природных факторов, потребности в организации сложных оросительных систем⁵.

Система власти-собственности как концепции в экономической истории была впервые сформулирована К. Виттфогелем, однако она не получила большой популярности на Западе, западный институционализм оперирует в основном понятием меркантилистского государства. Теория Виттфогеля сформировалась под впечатлением от событий в России при большевиках и в маоистском Китае. К. Виттфогель, будучи марксистом, увидел в советском и китайском опыте отход от классического марксизма, объяснив это действием исторических факторов, в основном длительным существованием у азиатских народов института власти-собственности.

Тем не менее концепция Р.М. Нуреева выглядит достаточно спорной, слабым ее местом в первую очередь является проблема военизированного государства. Как показал американский макросоциолог Ч. Телли, военное давление на государство со стороны внешних врагов, наоборот, заставляло власть искать компромисс с обществом, поощрять частную инициативу, предоставлять больше свобод населению. По Телли, государство, которое изначально выступало в роли "узаконенного рекэтера", вынуждено было идти на договор с обществом, требуя от него в обмен участия в обороне государственных границ, так примерно возникли национальные государства в Западной Европе. Либерализация политической и экономической сфер в конце XIX - первой половине XX в. произошла от необходимости мобилизации народных масс для участия в крупных войнах, требовавших сотен тысяч и миллионов людей.

Военная организация народов Запада в Средние века была намного выше, нежели в России, если хотя бы вспомнить рыцарство и рыцарские ордена, которые на окраинах Латинской Европы играли главную военную роль. Отсюда концепция Нуреева выглядит несколько спекулятивной, с научной точки зрения.

В западной экономической науке модель экономики, основанная на отношениях власти-собственности, называется меркантилизмом⁶. Однако мы в корне не согласны с такой формулировкой. Для меркантилистского государства в историческом контексте этого понятия характерны три уровня организации - монархическая или олигархическая власть, городская торговая и сельская земельная аристократии, крестьянская община, индивиды, не нашедшие себе места в этой структуре, оказываются на периферии общества. Если мы говорим о типах смешанной экономики в нашей современности, то мы едва ли найдем что-то похожее с меркантилизмом даже в большинстве стран третьего мира. Разумеется, если мы будем смотреть на проблему эволюции хозяйственных систем через призму экономического либерализма, то смешанная экономика есть один из видов меркантилизма, но либерализм исходит из посыла присущей рыночной экономике свободы выбора рационального экономического субъекта, хотя в реальности этого не было даже в Англии XIX в.

Исходя из вышесказанного, концепция власти-собственности в интерпретации Р.М. Нуреева рассматривается нами как одна из наиболее полно раскрывающих проблематику и дихотомии рынка и иерархических структур, и диспропорций в развитии общественных систем с различными хозяйственными укладами.

Особое место в нашем исследовании проблемы дихотомии рынка и иерархических структур занимают концептуальные идеи известного перуанского экономиста Уэрта де Сото. В его трудах отстаивается идея, что все экономическое развитие мира проходит через борьбу трех сил - рынка, или рыночной координации деятельности субъектов, социализма, или этатической системы насильственного принуждения, и докапиталистических моделей общества, или пережитков аграрной цивилизации. По сути, данная схема развития общества присуща неоллиберализму, только у де Сото во главу угла поставлен не научно-технический прогресс и рост ВВП, а трансформация государства. Как и неомарксисты, он видит в раскрепощении капитала путь к развитию общества, правда, Маркс ставил во главу угла все-таки рынок труда, а уже потом капитал. Но, в отличие от К. Маркса, де Сото рассматривает капитализм как единственно возможную формацию в современном мире, кризис которой практичес-

ки невозможен, если только капитализму не мешает развиваться государство.

Суть капитализма Эрнандо де Сото видит в капитале, а не в раскрепощении труда и свободном рынке труда, как это имеет место у К. Маркса и ряда его последователей. Повышение степени легализации и, соответственно, мобильности капитала в пространственном и временном аспектах дают, по де Сото, эффект развитого капиталистического общества, что мы наблюдаем сегодня на Западе. Препятствует раскрепощению капитала государственная бюрократия, которая особенно сильна в развивающихся странах.

Капитал у де Сото - это, прежде всего, материальные и нематериальные объекты, на которые даны права собственности, без последнего капитал - это не капитал, а просто средство производственной деятельности. В данном смысле перуанский экономист противоречит даже А. Смитю, для которого частная собственность есть отношения, способствующие росту заинтересованности владельца капитала в предпринимательстве, но не сущностная часть капитала.

Дихотомия между рынком и бюрократией наступает, по де Сото, тогда, когда институт частной собственности отсутствует либо слабо развит. В таком случае неэффективно работает банковская система, она не выдает деньги под залог имущества, которого юридически нет, так как нет частной собственности⁷.

Другим аспектом дихотомии рынка и бюрократии у де Сото является вопрос эффективного распределения информации. Наступление административного контроля на рынок ведет к блокировке информационных сигналов, которые в рыночной экономике передаются от субъекта к субъекту в ходе обмена. Если принимать в расчет, что в современной экономической теории информация рассматривается как фактор производства, то в условиях административно-командной системы этот фактор должен работать наименее эффективно. По мнению де Сото, административный центр не может да и не мотивирован перерабатывать тот объем информации, который перерабатывают рыночные агенты⁸.

Если де Сото считает, что слишком много бюрократии препятствует нормальному развитию капитализма, то Джозеф Стиглиц выдвинул обратную концептуальную идею, опираясь на опыт наблюдения за экономикой стран третьего мира. Свободный рынок, в представлениях Дж. Стиг-

лица, в условиях глобализации несет в себе разрушение национальных экономик, иерархические структуры которых вступают в жесткое противоречие с глобальной свободной конкуренцией.

Однако запускным механизмом глобальной конкуренции, по мнению Стиглица, выступает бюрократическая структура Запада - МВФ, политика которой разрушает экономики стран третьего мира не меньше, чем войны и природные катаклизмы. Таким образом, одна иерархия в лице западной экономической бюрократии создает условия для образования глобального конкурентного рынка, который сметает иные иерархии, уже сформировавшиеся в рамках национальных экономических и политических систем. Является ли этот тезис подтверждением вывода о том, что свободный рынок убьет капитализм, как это утверждают системники? Отчасти так.

Относительно России Д. Стиглиц видит главную причину провала либеральных реформ в свободном рынке. Таким образом, рынок вошел в противоречие с другими составляющими жизни общества, например, с благосостоянием. Изначальная идея западных советников правительства Гайдара, что эффект богатства не будет работать в России, из чего следовало, что в российском обществе сложится изначально рыночный эгалитаризм, не проявила себя на практике⁹.

В 1990-е гг. Россия, по Стиглицу, попала в ситуацию, схожую с той, что сложилась в странах третьего мира, присоединившихся к решениям Вашингтонского консенсуса. Глобальный рынок при демонтаже внешней иерархии привел к разрушению еще не окрепшей внутренней рыночной экономики. Свобода перемещения капитала, последовавшая за приватизацией, инициировала вывоз капитала за рубеж, что соответствует принципам свободного рынка - деньги идут туда, где меньше рисков и выше отдача от их вложения.

По мнению Стиглица, в вопросах приватизации МВФ руководствовался и руководствуется аксиомой из западных учебников по экономической теории, что частная собственность сама по себе стимулирует рост рынков. Однако проблемы конкуренции остались недостаточно изученными мейнстримом экономической науки. Теория фирмы по-прежнему остается во власти традиционной микроэкономики и базируется в основном на микроэкономической по своей сути концепции Рональда Коуза, да и она по-прежнему остается на периферии научной мысли.

Как утверждает Д. Стиглиц, финансово-промышленные группы и прочие иерархические структуры российского бизнеса подавили конкуренцию на внутреннем рынке, так как последняя мешала получению прибыли¹⁰. Низкие прибыли компаний, добавим от себя, стали результатом жесткой конкуренции со стороны иностранных товаропроизводителей. Таким образом, сложилась следующая схема действий рыночных агентов в российской экономике: глобальный рынок заставляет их объединяться в иерархические и гибридные структуры, которые подавляют внутреннюю конкуренцию, в итоге экономика превращается в конгломерат иерархических структур, противодействующих глобальному рынку. В описанной ситуации конкуренция идет только на глобальном уровне, оставляя в экономической системе достаточно ограниченные возможности для рыночного выбора.

Что такое капитализм без рынка, мы знаем из описанных Эрнандо де Сото моделей экономик стран третьего мира, это - чистая иерархия, мало отличающаяся от предшествующих хозяйственных систем. Главной чертой протокапитализма, который существовал еще в Древней Греции, является внутренняя иерархичность в хозяйственных отношениях, например рабство, когда рыночные отношения складывались в основном в сфере внешней торговли. Таким образом, производство и внутренний товарооборот в условиях протокапитализма осуществляются преимущественно посредством управленческих транзакций, если говорить языком Дж. Коммонса. В этой связи российский капитализм тяготеет в основном к моделям протокапиталистических экономических систем, разумеется, не являясь в полной мере таковой, в конце концов, в российском обществе давно нет рабства и крепостной зависимости.

Таким образом, рассуждения Стиглица о переходном периоде постсоветских экономик подтверждает тезис о нерыночной природе капитализма, который был высказан И. Валлерстайном примерно полвека назад.

На нерыночную природу отношений экономических субъектов в условиях современного капитализма Д. Стиглиц указывал, анализируя экономику США 1990-х гг. Исходя из теории агента-принципала, он сделал вывод, что, преследуя цель - максимизировать личные доходы любым путем, менеджеры крупных американских ком-

паний пренебрегали вопросами рыночной эффективности фирмы, они стремились только к максимизации капитализации активов¹¹.

На основе богатого эмпирического материала Дж. Стиглиц пришел к выводу, что современный капитализм нуждается в жестком регулировании, так как асимметрия информации, неизбежная в современных условиях тотальной информатизации общества, ведет к перераспределению колоссальных доходов в пользу тех, кто умеет вовремя сокрыть информацию. Зададимся теперь вопросом, относится ли проблема асимметрии информации только к современному капитализму? Очевидно, нет, сущность рыночного капитализма была всегда одна. Вступающие в рыночные сделки агенты далеко не всегда владеют полнотой информации о качестве и даже истинной полезности для них предлагаемых им на рынке товаров и услуг. Даже капитализм, в котором власть рынка сведена до минимума, неизбежно страдает той же проблемой асимметрии информации, так как между агентами все равно существуют договорные отношения, в рамках которых есть поле для мажора, вспомним хотя гибридные модели нэпмановского и «перестроечного» капитализма в СССР.

Главным для капиталиста является получение прибыли, ради этого он готов отказаться от рыночных трансакций и, соответственно, конкуренции. Эти выводы кардинально расходятся с идеями о линейном развитии капитализма К. Маркса, которые повторялись советской по-

литэкономией и западным ортодоксальным марксизмом. Точно так же природу капиталистического хозяйства и рынка, и отношений между этими структурами не до конца поняли неоклассики, которые вообще ушли от проблемы структур в рыночной экономике в сферы процессов потребления и денежного обращения.

¹ *Леус Т.В., Попов Г.Г.* Социальная цена сырьевой специализации // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 3.

² *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004. С. 781.

³ Там же. С. 781.

⁴ *Hershenkon A.* The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass), Harvard University Press, 1962.

⁵ *Нуреев Р.М.* Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.

⁶ *Сото Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995.

⁷ *Уэрта де Сото Хесус.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004. С. 20 - 60.

⁸ *Уэрта де Сото Хесус.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.; Челябинск, 2008. С. 114 - 115.

⁹ *Stiglitz J. E.* Globalization and it's Discontents. N.Y., 2002. P. 133-165.

¹⁰ *Idem.*

¹¹ *Стиглиц Дж.* Ревущие девяностые. Семена развала: пер. с англ. М., 2005.

Поступила в редакцию 01.03.2011 г.